

Каримова А. Б.

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПАРАДИГМАХ ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

SOCIOLOGY OF INTERNATIONAL RELATIONS
IN THE PARADIGMS OF BEHAVIOR AND ACTIVITY

Каримова Алла Бекмухамедовна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, профессор социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия, albecar@yandex.ru

Karimova Alla, Doctor of Political Sciences, Prof., Principal Researcher, Primakov National Research Institute, of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Prof. of Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, albecar@yandex.ru

Аннотация. Дискурсивный анализ процесса становления социологии международных отношений показал отчетливое движение от идеи о возможности применения в исследованиях связей и отношений между государствами социологических методов к специальной социологической теории, руководящим принципом которой является человеческое измерение международных отношений. Цель настоящего исследования состоит в обновлении социологического подхода к фактам и событиям международной жизни, поскольку усиливающиеся неопределенность и неустойчивость международной ситуаций заставляют признать: объяснительные пределы консенсусных гипотез достигнуты.

Abstract. The discursive analysis of the process of discipline formation showed a clear movement from the idea of the possibility to use sociological methods in studying the relations between states to a special sociological theory, the guiding principle of which is the human dimension of international relations. The purpose of this study is to update the sociological approach to the facts and events of international life, because the increasing uncertainty and instability of international situations make it necessary to recognize: the explanatory limits of consensus hypotheses have been reached.

Ключевые слова: отношения и связи между государствами, межгосударственные отношения, модели социологии международных отношений, человеческое измерение, переходная группа, трансграничные связи.

Key words: relations and relations between states, interstate relations, models of sociology of international relations, human dimension, transitional group, cross-border links.

Истоки формирования научного подхода к феномену международных отношений в России и на Западе

На протяжении долгого времени подход к международным отношениям, представлявшим собой один из самых развитых видов человеческой деятельности уже в XVIII в., ограничивался юридическим прагматизмом. Вместе с тем, первые эвристики построения теоретических моделей международных отношений, учитывающие социальные аспекты, появились в юридической среде. В России — в работах профессора Карла Генриха Лангера (вторая половина 1730-х — после 1792 г.), преподававшего в Императорском Московском университете (1764–1774) право и политическую науку. На Западе — в трудах британского правоведа Иеремии Бентама (1748–1832), основоположника теории политического утилитаризма.

К. Лангер, придерживаясь системы научного рассмотрения социальных феноменов, разработанной его учителем Христианом фон Вольфом, создал конструкцию комплекса политических дисциплин, помогающих государству решать проблемы власти, изменять социальную организацию жизни своих граждан, определять способы ведения хозяйства для умножения общественного блага. В этот перечень были впервые введены *международные отношения* как учебная дисциплина. Замыкая международными связями и отношениями «весь строй наук, которые включает в себя Политика», московский профессор включил в ее предметное поле *связи и отношения государства с другими странами*, результатами которых являются «дружеские договора и союзы, или обмен посольствами, или конфликты и войны» [1, с. 56].

Несмотря на то, что К. Лангер не приложил отдельных дефиниций к понятиям «связи» и «отношения», он отразил и передал смысловые различия основных форм межгосударственного взаимодействия через *деятельностные признаки*. Эвристика *связь-отношение* явилась ядром парадигмы международных отношений, выразила научный подход к решению международных проблем, обусловила дифференцированный подход к анализу качества взаимодействий сторон, конвертируя уровни коммуникаций во внешнеполитические стратегии.

Анализ идей И. Бентама в западных школах длится более двух столетий. Современные международники находят немало научных поводов для обращения к его философскому наследию. Наибольшую активность проявляют представители американской и британской традиций международных исследований, связывая с его именем изобретение слова «international» [2, p. 226], имевшего

**Классификация общественных дисциплин К. Лангера,
составляющих науку о политике**

Порядок	Название дисциплин	Предметное поле
1	Статистика	Количественные показатели деятельности государственных институтов и качественные характеристики населения.
2	Гражданская история	Воспроизводство и конструирование прошлого: ценностный анализ гражданского состояния общества
3	Управление	Институциональная инфраструктура социального порядка.
4	Экономика и ее отрасли: торговля, транспорт, сельское хозяйство, народонаселение	Коллективные практики деятельности кооперации: качество использования естественных ресурсов развития.
5	Военная наука	Ресурсы безопасного развития: качество безопасности.
6	Общественная экономика	Социальные ресурсы развития: качество условий жизни.
7	Связи и отношения между государствами	Внешние ресурсы развития общества.

Составлено по тексту доклада К. Лангера

ключевое значение в оригинальном проекте *кодекса поведения между государствами*, который не исключал возможности войны, но и отвергал ее неизбежность.

Все попытки классифицировать И. Бентама оказались неудачными. Так, американский «классический» реалист А. Уолферс относил его к утопистам, но при этом выделял реалистичность его футурологической конструкции международной организации. Британский политический мыслитель Э. Карр приписывал его к лагерю идеалистов. Несмотря на то, что все критики его воззрений на общественные процессы указывают на принадлежность утилитаризма к либеральному течению, однако в их оценках пропадает важное для социологии признание И. Бентамом значения общественного мнения (международной федерации и торговли), выступающего, как правило, против войны.

И. Бентам жил в эпоху нарастающей потребности измерения социальных процессов и прогностической точности их развития. Созданная им теория утилитаризма изложена в стиле, близком

к «языку» эмпирического анализа общественных явлений. Так, например, он предлагал оценивать любое решение политической проблемы с позиций *количества пользы* обществу и человеку. При этом польза в утилитаризме исполняет роль фундаментальной ценности. По определению И. Бентама, польза — «то свойство предмета, по которому он имеет стремление приносить благодеяние, выгоду, добро и счастье (все это в данном случае сводится к одному), предупреждает вред, страдание, зло или несчастье той стороны, об интересе которой идет речь: если эта сторона есть целое общество, то счастье общества; если это — отдельное лицо, то счастье этого отдельного лица» [3, с. 10]. В этом фрагменте политические и социальные характеристики приобретает категория интереса, завоевавшая центральное место в теориях реализма (национальный интерес) и либерализма (экономический интерес, свободная от контроля государства торговля).

Вводя в деятельность государства мерило пользы, И. Бентам пришел к радикальному выводу об ошибочности применения *естественного права* к оценке межгосударственного поведения и выбору способа действия. Работая в этой логике, он увидел необходимость создания «международной юриспруденции»¹, допускающей рационализацию выбора между сотрудничеством и войной. Позже эта эвристика послужила появлению новой отрасли — *международного права*.

В методологическом плане И. Бентам ближе к эволюционизму Жана Бодена, отвергавшего макиавеллианскую интерпретацию государственной политики как сферу бесконечного возвращения к войнам.

Исследователи наследия И. Бентама считают его причастным к созданию концепции *международной безопасности*, артикулированной в плане «вечного мира» как фактор процветания нации.

Таким образом, дискурс проблем международных отношений, в котором намечился социологический «уклон», начал складываться за два столетия до появления социологии международных отношений.

Предметные поля социологии международных отношений (СМО) в России и на Западе

Конструирование предметного поля социологии международных отношений в России началось во втором десятилетии XX в.

¹ Там же. С. 390.

вместе с теоретическими оценками результатов первой мировой войны. Возник интерес к поведению государств, к процессу сложения отношений между ними в трансграничных пересечениях. К моменту появления первой модели СМО социология была практически единственной общественной дисциплиной с развитым понятийным аппаратом. Поэтому проблема анализа международных отношений рано или поздно должна была найти социологическое решение.

Мировая эволюция vs мировая революция

Феномен мировой политики рассматривался русским правоведом и теоретиком международных отношений Ю.В. Ключниковым (1886–1938) как центральный элемент его модели «социологии международных отношений» (*термин Ю.В. Ключникова — А.К.*). Поэтому определить референтность объекта с позитивистскими установками возможно, применив в анализе текста алгоритм метода асинхронной репликации, привлекая распределенные знания социологической теории к тексту рассматриваемой концепции, необходимо отвлекаясь от авторской интерпретации конкретных фактов.

Постулируя проблемой исследования поиск научных инструментов, способных предотвратить мировую революцию, физические и социальные потери от которой будут превосходить показатели любой военной кампании, Ю.В. Ключников обращается к теории эволюции. Работая в этой парадигме, он выделяет триаду — *политика, мораль и право*, — синергия которой, по мнению исследователя, способна противостоять революционизму и запустить эволюционные механизмы развития.

Применение теорий эволюции и прогресса в анализе послевоенной мировой ситуации позволяет определить методологические рамки замысла автора. Приложенные категории указывают на использование контовского определения социологии, смысл которой в раскрытии «причины покоя и движения человеческих обществ, устойчивости и развития порядка в разные эпохи в их преемственной и причинной связи между собой» [4, с. 20]. Логическая последовательность использованных в концептуализации идеи мировой политики терминов указывает на стремление выявить возможности управления социальными процессами посредством создания институтов, адекватных условиям изменившейся реальности. К оценке изменений привлечен многофакторный подход.

Являясь участником беспрецедентного на тот момент международного события — Парижских мирных конференций 1919 г., —

Ю.В. Ключников имел возможность наблюдать и оценивать живой процесс возникновения Версальского порядка, выработки 27 государствами-участниками универсальных правил политического поведения в международных сношениях.

Повестка совещания предполагала принятие общей оценки результатов мировой войны, революции в России и создании Лиги Наций. Ю.В. Ключников интерпретировал эти события как эмпирические факты феномена мировой политики, главной категории его социологической схемы макросдвига. Акцентируя влияние человеческого фактора через категорию «международного сознания» на характер международного порядка, он сумел выделить в этом симбиозе предметное поле новой науки — социологии международных отношений.

Автор признавал недостатки своей теории и видел необходимость ее дальнейшего уточнения. Однако этого сделать не удалось. В конце 1930-х годов преподавание социологии в Советской России было прекращено. Определенную роль в том, что концепция СМО получила известность только в начале 2000-х годов, сыграла эмиграция Ю.В. Ключникова. Ее первая публикация была осуществлена в 1922 г. в Берлине.

Даты выступлений Ю.В. Ключникова, приват-доцента Московского университета, управляющего министерством иностранных дел при Директории¹, эксперта советского правительства на Генуэзской конференции с лекциями по теории и социологии международных отношений в Брюсселе и Париже в 1921 г., а также с концепцией о мировой политике в Москве в 1918 г. [5, с. 6] позволяют зафиксировать начало формирования социологического подхода² к международным отношениям в России на четыре десятилетия раньше, чем это принято считать, а мирополитического³ — более чем на полстолетия.

В 1960-е гг. начался советский этап конструирования методологической основы СМО. Этому во многом способствовало ее конституирование на VI Всемирном социологическом конгрессе в Эвиане (Франция, 1966).

В работах Ф.М. Бурлацкого, А.А. Галкина, Д.В. Ермоленко, И.Г. Тюлина, Н.А. Косолапова и др. вновь появляется социологи-

¹ Директория — орган государственного управления, коллегия из 5 министров Временного правительства во главе с А.Ф. Керенским (Совет пяти), 1 (14) сентября — 25 сентября (8 октября) 1917. 1 сентября 1917 г. объявила Россию республикой.

² Социологический подход к международным отношениям разработан норвежским исследователем Й. Галтунгом в 60-е годы XX столетия.

³ Монография The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics («Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике») Хэдди Булла (британская школа международных отношений в которой представлена теория мировой политики, впервые опубликована в 1977 г.

ческий абрис международных отношений. В то же время опора исследователей на системный подход не позволила развиваться предметному полю, адекватному постулатам социологической теории. Это надолго определило судьбу СМО в России как промежуточной дисциплины, располагающей методиками социологических исследований, но не имеющей методологических скреп с социологической теорией.

На Западе «исследовать поле международных отношений как таковое» в 60-х годах XX в. «рискнули» социологи Р. Арон, П. Хайнц, Й. Галтунг, Г. Лагос и А. Этциони [6, р. 6]. Однако и это не привело к признанию СМО как субдисциплины науки о международных отношениях.

Альтернатива теории международных отношений

Французский мыслитель Р. Арон (1905–1983) пришел в социологию с полей военных сражений Второй мировой войны, что обусловило его интерес к международной проблематике. Сам ученый выделял четыре главных области в своих исследованиях: современные идеологии, индустриальное общество, современные политические системы и международные отношения.

Выстраивая траекторию движения от индустриального к постиндустриальному обществу, он восхищался М. Вебером, но был заподозрен в желании стать соавтором его теории политической социологии. Критиковал К. Маркса и попал в изоляцию в среде французских и советских социологов. Заявлял о своей принадлежности к французской «школе либеральных социологов», созданную, по его мнению, Ш. Монтескье, А. Токвилем и Э. Алеви [7, с. 30], но не использовал «ни Токвиля, ни Монтескье, чтобы систематически разработать четкую концепцию социальных явлений» [8, р. 20].

Влиятельный британский социолог Э. Гидденс отмечал: размышления Арона не подкреплены «системной критикой многих трудностей и двусмысленностей, присущих трудам различных социальных теоретиков, чьи работы им представлены» [9, р. 134]. Менее критично настроенные американские авторы скорее пытались объяснить его социологическую непопулярность, чем выяснить эвристичность социологического стиля, хотя и отмечали, что его концепция «планетарного века» предвосхищает многие недавние исследования о глобализации» [10, р. 95–98].

Основной упрек западных коллег Р. Арона состоит в том, что он не создал значимых социологических теорий. Однако сам ученый

ставил иную цель: Ш. Монтескье, О. Конт, К. Маркс, А. Токвиль, Э. Дюркгейм, В. Парето и М. Вебер интересовали его как «основоположники социологической доктрины», в рамках которой он выявлял способы внесения разумного порядка «в беспорядочное многообразие явлений» [7, с. 36]. Стремясь доказать необходимость распространения многофакторного подхода и на международные отношения, он выявлял их специфику, но и определял их как явления социального опыта. В этой связи Р. Арон подчеркивал важность контровой мысли, «что общества могут поддерживать свою связность только общими верованиями», имевшей значение для его тезиса об ошибочности введения в государстве «импортированных» представительных институтов¹.

В трудах А. Токвиля Р. Арон особенно выделил постановку вопроса об общественном порядке после революционного разрушения старых институтов. Его также заинтересовала концепция демократического общества. Найденное А. Токвилем определение демократического общества как «общества всеобщего наемного труда», в котором «нет профессий, которыми не занимаются ради денег»² он считал очень точным и актуальным.

Р. Арон указывал на диалектическую ценность целевых установок социальной революции, сформулированных К. Марксом; поддерживал «признание решающей роли государства», определяя его как «распорядительную централизованную машину», которую социалистическая революция должна разрушить; отмечал теоретическое стремление «свести политику с ее конфликтами к классовым отношениям и классовой борьбе»³.

Сталкивая социальные контексты Э. Дюркгейма, В. Парето и М. Вебера, живших в эпоху «спокойной Европы», Р. Арон обнаружил разные, по сути, общества и их социологические модели. Так, Э. Дюркгейм пришел к заключению о необходимости «создания морали, вдохновляемой научным духом». В. Парето, напротив, доказывал, что людей нельзя побудить к действиям с помощью рациональных соображений. Совсем по-другому представлял общественное развитие М. Вебер, акцентировавший неповторимость рационализма западной цивилизации.

Выявляя особенности каждой из шести привлеченных к анализу социологических доктрин, Р. Арон всякий раз приходит к выводу о необходимости плюралистического консенсуса, не делая видимой попытки обеспечить социологию основополагающим утверж-

¹ Там же. С. 276–277.

² Там же. С. 260.

³ Там же. С. 293–295.

дением. Понятие многообразия случайностей и факторов становится ключевой эвристикой ароновской модели социологии международных отношений.

В его интерпретации наука о международных отношениях не может не признавать многочисленные связи, пронизывающие межгосударственные отношения, которые «несут в себе альтернативу войны и мира» [11, с. 55], тем самым, отрицая монополию какого-либо государства в мире. В работах Р. Арона еще нет термина полицентричный порядок, но его субъекты определены как *политические сообщества*, имеющие способность «навязать свою волю другим и способность не поддаваться такому навязыванию и парировать его»¹.

Именно это само собой сбывающееся предвидение заставляет критиков А. Арона выталкивать его на задворки социологической теории. Но «в дальнейшем международное теоретизирование требует обращение к Арону, совершившему политическое увольнение книги Ганса Моргентау как “вклада в продвижение теоретических знаний”, хотя и признававшего, что в ней содержится “политический анализ самого первого порядка”» [12, р. 339]. В этой оценке полувековой давности, сделанной Г. Киссинджером, возможно, под влиянием вьетнамской войны, звучит не только признание социологического метода Р. Арона, но и грядущих изменений.

Социология международных отношений: контуры специальной социологической теории

Иренология: методология социологического подхода

В 1960-х гг. норвежский социолог Й. Галтунг (1930) разработал и внедрил социологический подход к международным отношениям.

В предложенной им методологии мирного разрешения международных конфликтов (*иренология, социология мира*) актуализирована корреспонденция исходного момента «между личностными элементами на социальном уровне и национальными на международном уровне, и соответствие межличностного и международного взаимодействия» [13, с. 136].

Автор социологического изучения международных отношений выстраивает конструкцию, в которой элементы международной системы «находятся во взаимном соответствии и по этой причине уподобляются социальным структурам, взаимодействующим

¹ Там же. С. 135.

на национальном уровне». В его определении феномена *взаимодействие* оно представлено как деятельность, направленная не только на анализ поведения каких-либо объектов, но и на изучение неписаных законов, закрепленных в общественном сознании.

Опорным в методике социологического анализа и прогнозирования международного конфликта является математическая интерпретация понятия *изоморфизм* (др.-греч. ἴσος — равный, одинаковый, подобный и μορφή — форма).

Изоморфизм позволил перейти к исследованиям подобных элементов международной системы, в которую Й. Галтунг включил нации (государства) «и около 80 крупных образований».

Математическая наука определяет изоморфизм как тождественность структур объектов, характеризующихся симметричным отношением равенства, когда каждому элементу одной структуры соответствует лишь один элемент другой. Он играет важную роль в институциональной теории, сфокусированной на синтезированном понимании социальной среды.

Понятие изоморфизма включает организационные практики, которым следует определенное количество организаций и структур. Принцип изоморфизма обуславливает возможность замещения теорий и даже парадигм, что исключает системный анализ. В то же время изоморфные величины измеряются математическими методами, результаты которых получают поведенческую интерпретацию.

Ключевым в методологии Й. Галтунга является понятие *малая группа*. По мнению ученого, мягкая организация международной среды и показатель количества государств позволяет применять в аналитических целях понятия как «малые», так и «группы» для объективации взаимодействующих акторов. Для Й. Галтунга малые группы и международные системы являются изоморфными величинами. Извлекая из теории малых групп инструменты исследования объекта, он выдвинул шесть положений социологического рассмотрения феномена международных отношений:

- Социология — одна из двух опорных дисциплин ТМО.
- Социальные взаимодействия — формы деятельности.
- Международная система — социальная структура, элементы которой взаимодействуют на национальном уровне.
- Малые группы — элементы международной социальной структуры.
- Изоморфизм — инструмент прикладного анализа структурного взаимодействия в международных отношениях.
- Миростроительство — социальная деятельность.

В его методике исследования предложен специальный словарь соответствий. Например, индивид — нация, межличностное взаимодействие — межнациональное взаимодействие. В его социологическом арсенале три модели взаимодействия:

— взаимодействие, устанавливающее формальные статусы (международные договоры);

— взаимодействие, выходящее за рамки формальных статусов (неправительственные объединения);

— взаимодействие, связанное с деятельностью отдельных людей (межличностные контакты).

Определить тип взаимодействия следует, выявляя постоянный остаток при замене людей в группе, а также зависимые от поведения отдельных людей. Деятельность каждого элемента моделей взаимодействия исчисляется с помощью четырех компонентов: национального, формального, неформального и личного, выраженных формулой $V=N+F+I+P$. Информация по компонентам N и F может быть получена из документов, а по двум другим компонентам I и P добывается из научной, биографической и мемуарной литературы.

Применение теории социальных групп к международным отношениям позволило сформулировать несколько выводов, касающихся внутренних процессов в международных группах, правил поведения их членов, взаимоотношений между лидерами и маргиналами, инфраструктурными компонентами взаимодействия.

Одним из наиболее значимых вкладов Й. Галтунга — его методика исследования международных конфликтов. В отличие от навязанного классическим реализмом вывода о естественном характере войн, их причину исследователь обнаруживает в структурном насилии, в зависимости между рангом и взаимодействием в межгосударственных отношениях, согласно которому, например, отчуждение и агрессия могут являться следствием рангового несоответствия.

Й. Галтунг подчеркивает, что основной причиной социальных конфликтов являются связанные между собой культурный, структурный и прямой (личный) виды насилия, свойственные социальным системам.

По мнению Й. Галтунга, наиболее эффективным способом решения структурных конфликтов, является регулярное изменение сети взаимодействий в социальной структуре. Экстраполируя свою гипотезу о причине конфликтов на международные отношения, ученый приходит к выводу, что наиболее действенным средством остановить войну является трансформация внутренних структур враждующих сторон.

Новизна галтунговского метода разрешения конфликта заключается в моделировании условий *позитивного мира* в противовес *негативному миру*, не исключающему повторения войны.

Операционализация теоретических знаний о международных отношениях — главное обстоятельство, обусловившее становление СМО как специальной социологической теории. В этом контексте социология международных отношений оправданно переместилась из сферы исследований международных конфликтов в предметное поле политической социологии.

Политическая социология международных отношений

В 90-е гг. XX в. социологическую интерпретацию международных отношений рельефно обозначил в своих работах Павел Афанасьевич Цыганков (МГУ). Одним из первых в России он проанализировал движение теоретической мысли от представления международных отношений как отношений между государствами к их пониманию как взаимодействия широкого круга акторов и агентов, выступающих субъектами и объектами международных отношений.

Практически до конца 80-х гг. прошлого века этот процесс не отличался динамичностью. Ситуация изменилась в 90-е, когда под натиском глобальных трансформаций «классическое» предметное поле теории международных отношений окончательно раскрошилось. Наступило время быстрого формирования социологии международных отношений как на Западе, так и в России.

Настаивая на необходимости социологического осмысления международных отношений, П.А. Цыганков обосновал автономность социологии международных отношений тремя тезисами:

- процесс социализации международных отношений как общий знаменатель их эволюции;
- преимущество с политологией, вытекающая из констатации того, что государства и межправительственные организации остаются на сегодня главными участниками международных отношений;
- теоретическая доминанта, позволяющая представить науку о международных отношениях как целостную и относительно автономную дисциплину.

В его трактовке, СМО наиболее близко примыкает к политической социологии и является преимущественно теоретической наукой междисциплинарного характера, исследующей любые социальные общности, взаимодействующие на мировой арене. Ее ос-

новая функция — систематизация и обобщение знаний о своем объекте, полученных другими науками о международных отношениях. Опираясь на данный подход, ученый включил в предметное поле своей модели:

— поведение специфических социальных общностей государств, межправительственных и неправительственных организаций, других участников международных отношений и их систем;

— взаимосвязи и взаимодействия социальных общностей за пределами их территориальных образований;

— социальные основы функционирования международных отношений;

— современное состояние глобальной международной общности.

Однако подъем новой — *глобальной формы человеческих взаимодействий* — актуализировал обновление подходов к феномену международных отношений, включая социологический.

Человеческое измерение международных отношений

В середине первого десятилетия «нулевых» годов в политических и научных кругах сложилось два полярных представления о грядущем миропорядке — порядок централизованного управления на основе глобальных норм и стандартов и полицентричный порядок, подразумевающий государство или группу государств, способных оказывать влияние на динамику международных отношений. При этом обе конструкции, сосуществуя с множеством неформальных сетей, не достигли баланса между международным правом и мировой политикой. Оценка *международной реальности* перестала обеспечиваться инструментами классических теорий международных отношений и системного анализа. Все более непродуктивными для практической работы и прогнозирования становятся наблюдения за поведением государств и международных организаций.

На этом фоне выявилась необходимость «исходить прежде всего из представлений о международных отношениях как человеческих отношениях», рассматривая их как «превращенную форму *межличностных отношений*» [14, с. 49].

Вместе с этим существенно изменилось представление об участвующих в международных отношениях социальных группах. Был выявлен феномен *внешнеполитического сознания*. Гносеологически, подчеркивает введший в научный оборот эту категорию Н.А. Косолапов (ИМЭМО), становление внешнеполитического со-

знания началось вместе с процессом формирования отношений между государствами [15]. Однако узкая социальная база (военный и дипломат) доглобальных международных отношений делала его невидимым.

В 80-е гг. западные социологи зафиксировали уникальную с социологической точки зрения характеристику будущей реальности: «общество перестает единицей общего анализа». В конце XX в. ключевыми характеристиками международной реальности стали *транзисторность* и *процессуальность*. В современных оценках доминирует категория *неопределенность*, не имеющая эмпирического основания и адекватного теоретического объяснения.

Однако нельзя не заметить, что большинство изменений международной среды происходит под влиянием движения человеческих групп и потоков, активность которых становится чувствительной в трансграничных пересечениях интеграционных и дезинтеграционных процессов. По сути, трансграничные эффекты усилили тенденцию признания влияния человеческого фактора на все пространство международных отношений, обусловив необходимость учета *особенных* переменных человеческой активности, возникающих при пересечении национальной границы¹.

Отмеченные особенности указывают *объектом СМО формальные и неформальные социальные общности (коллективы, группы, потоки), действующие через политические границы.*

Попытки ввести человеческое измерение в анализ международных отношений предпринимались социологами. Одним из первых это сделал американский психолог и социолог Р. Бейлс, разрабатывая эмпирические нормы исследований динамики групп. Его доводы основывались на результатах исследований, синтезированных в логик-теории (logic theory machine), соединившей инструменты экспериментальной психологии человека, теоретической лингвистики и компьютерного моделирования. По мысли ученого, кибернетика сделала возможным создание математического «организма поведения» [16, 338] и управляющих им приложений. Парадокс заключается в том, что математическое моделирование группового поведения сделало необходимыми примене-

¹ См.: Каримова А.Б. Латентные функции международных образовательных рейтингов // Социологические исследования. №6. 2016. С. 110–120; Эпоха услуг в образовании: прогноз Д. Белла / Социология жизни: теоретические основания и социальные практики / Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГУ, 2016. С. 299–309; Постсоветский дизайн человеческой мобильности // Мировая экономика и международные отношения, 2017. Том 61, №8. С. 85–95; Шелковский путь: процессы интеграции и самоорганизации пространств трансрегионального взаимодействия // Сравнительная политика и геополитика, 2017. №2. С. 108–118; Трансрегиональное «сечение» международных отношений / «25 лет внешней политике России»: сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016) В 5 т. Т.2: Россия и современный мир: политика и безопасность Ч. 1 / под общей редакцией А.В. Мальгина. МГИМО-Университет, 2017. С. 326–336 и др.

ние социологических наблюдений за человеческой деятельностью в дисциплинах, изучающих международную среду. Тем самым человеческое измерение международных отношений привело к открытию превосходства реально-виртуального человекомерного пространства над форматами теории международных отношений.

В концептуальной работе о сложившемся корпусе социологии малых групп американский социолог Т. Миллз интерпретировал население земного шара, насчитывавшего в то время (1960-е гг.) 3,5 млрд человек, через малые группы. По его расчетам, общее количество групп могло бы насчитывать 4–5 миллиардов, «опережая по количеству и число обществ, и число людей, которые когда-либо жили и которые когда-либо будут жить на Земле» [17, с. 82–83].

С позиций современных теоретических представлений о межличностных коммуникациях в идее Т. Миллза содержатся начатки сетевой теории. К сожалению, дальнейшей интерпретации эта эвристически полезная для обновления социологического подхода к международным процессам идея не получила. Но ее архитектура позволяет выделить уникальные качества описываемой группы — способность переходить из одного пространства в другое; передвигаться во времени, размещаться в разных территориальных, социальных и культурных контекстах; распознавать и исследовать трансграничные связи, вносить будущее в «щели настоящего». К этой категории, например, относятся мигранты, чья повседневная жизнь сильно зависит от контактов по обе стороны границы. Эмпирическую реальность этих социальных групп ежедневно подтверждают СМИ.

Иными словами, *трансграничные связи отсвечивают человеческое измерение масштабного сдвига реальности настоящей к реальности будущей*, проводниками которой являются переходные группы.

Переходная группа — измеряемый элемент любых человеческих потоков (миграционных, туристических, образовательных и пр.), «переливающая» международный контекст во внутреннее пространство и играющая исключительную роль в транснациональных, трансграничных и трансрегиональных процессах, возбужденных глобальной конкуренцией за жизненные ресурсы — человеческий капитал и землю.

Интерпретация трансграничных связей обеспечивает отбор и анализ основных индикаторов внешних связей на микро- (между небольшими городами, поселениями, районами приграничных государств), мезо- (между регионами, анклавами и эксклавами сопредельных государств) и макроуровне (транспортная логистика,

экономические, социальные и культурные связи). Поэтому *трансграничные связи* как таковые могут быть определены как пространственная проекция международных связей, осуществляемых на многосторонней и двусторонней основе между государствами или субъектами государств, качество которых зависит от соотношения контактной и барьерной функций политической границы.

В региональном рельефе, придающем аналитический и интерпретативный смыслы глобальному полю — происходит превращение трансграничных связей во всеобщий вид международных отношений вовлеченных в них стран и внутренних «социально-территориальных комплексов» (*термин Н. А. Косолапова — А. К.*).

Учитывая функциональные качества описываемых понятий, сочетающих деятельностный и поведенческий подходы, предметом социологии международных отношений является *зафиксированная общественным сознанием, соглашениями или иными формами взаимодействия совокупность существенных трансграничных связей.*

Предлагаемое определение учитывает фундаментальные категории места, пространства и движения, подчеркивает через трансграничность доминантную специфику современных международных отношений, вводит через человеческое измерение эмпирический уровень социологического анализа; позволяет учитывать параметры инклюзивного развития [18], индикаторами которого среди прочего являются социальная сплоченность и интеграция.

В целом результаты дискурсивного анализа показывают, что СМО прочно встала на плечи социологической методологии и развивает ее как специальная теория, стремясь ответить на «*инновационные вызовы* существующему порядку, выражающиеся в стремлении что-то изменить к лучшему» [19, с. 24].

Библиографический список

1. Арон Р. Мир и война между народами / Под общей ред. В.И. Даниленко. Пер. с фр. М.: Nota Bene, 2000.
2. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Политика», 1993.
3. Баталов Э.Я. О философии международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005.
4. Бейлс Р. Теория и исследования малых групп / Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX века / Сокр. перевод с англ. / Общая ред. и предисловие проф. Г.В. Осипова. М.: Издательство «Прогресс», 1965. С 323–339.

5. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 1998.
6. Галтунг Й. Теория малых групп и теория международных отношений (Исследование проблемы соответствия) / Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 135–146.
7. Доверие к знанию в условиях социальной турбулентности, вызовы безопасности: монография / [С.А. Кравченко, Н.Н. Зарубина, А.И. Подберезкин и др.]; под общей редакцией С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2018. 274 с.
8. Каримова А. Инклюзивный девелопмент: концепция сдвига // Россия и новые государства Евразии, 2018, № 2, сс. 130–153. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-2-130-153
9. Ключников Ю.В. На великом историческом перепутье / Сост. О. А. Воробьев. 3-е изд. М.: Вузовская книга, 2017.
10. Ковалевский М.М. Природа социологии. Отношение ее к философии истории, этике и психологии. Социология и учение о социальной жизни животных. Социология и статистика / Социология в России XIX-начала XX веков. Социология как наука. Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Международный университет Бизнеса и Управления, 1997. С. 15–39.
11. Косолапов Н.А. Внешнеполитическое сознание: категория и реальность / Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. Гл. 10. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. С. 207–222.
12. Лангер К.Г. О пределах и важнейших представителях политической науки. Торжественное слово по случаю празднования рождения Августейшей и Могущественной Всероссийской императрицы и самодержицы Екатерины II Великой. 1771 г. апреля 22 дня. М.: Изд-во Московского университета, 2011.
13. Миллз Т. Социология малых групп / Американская социология сегодня. Перспективы, Проблемы. Методы / Сокр. пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского / Ред. и вступ. статья доктора философских наук Г.В. Осипова. М.: Издательство «Прогресс». С. 82–92.
14. Baehr P. British Sociology and Raymond Aron. / *Sociological Amnesia: Cross-Currents in Disciplinary History*, Chapter: 2, 2015. Publisher: Ashgate, Editors: Alex Law and Eric Royal Lybeck. pp. 17–36.
15. Baehr P. Special Issue on the Thought and Legacy of Raymond Aron // *Journal of Classic Sociology*. May 23, 2011; pp. 95–98.
16. Frost B.-P. Raymond Aron's Peace and War, Thirty Years Later // *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*. Т., Vol. 2, 1996, Jun 1, 1996; pp. 339–361.
17. Giddens A. Recent Works on the History of Social Thought // *European Journal of Sociology*. Vol. 11. May 1970. 130–142.
18. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage Publications, 1992.
19. Suganami H. A Note on the Origin of the Word «International» // *British Journal of International Studies*. 1978, vol. 4, n. 3. P. 226. P. 226–232.